

Этот постоянный акцент на кирилло-мефодиевской эпохе и недооценка сазавского периода сказались в неправильном взгляде на значение труда Кристиана. В лучшем случае, если вообще признавалось, что Кристиан писал в конце X в., этот труд давал повод заполнять X столетие гипотетическими, якобы весьма древними источниками. Этот неправильный взгляд особенно очевиден в распространенных представлениях о литературной истории жития Людмилы. Так, В. Халопецкий и Р. О. Якобсон предполагают, что сначала было написано первое старославянское житие княгини Людмилы — уже во время правления ее внука Вацлава. Затем будто бы возникла латинская версия, а именно дошедшая до нас легенда «Fuit», в то время как из старославянского жития сохранилось только проложное извлечение. И, наконец, лишь на основе легенды «Fuit» или другой латинской обработки возникла та часть сочинения Кристиана, которая посвящена Людмиле.

На самом деле все говорит о том, что эволюция протекала совершенно иным образом. Творцом легенды о Людмиле был Кристиан. Ранее о Людмиле было лишь упомянуто в легенде Гумпольда. Легенда «Fuit» и соответствующее старославянское житие возникли только во второй период деятельности Сазавского монастыря, тогда же, когда возникло и латинское и старославянское житие Прокопа. Как показывает новейший пересмотр проблем, касающихся старейших чешских легенд, литературная деятельность Кристиана знаменовала собой не завершение развития чешской культуры X в., которое было довольно скудным, но исходный момент могучего размаха XI в. — размаха, относительно которого в общем не может быть сомнений. Было явным недоразумением, когда некоторые исследователи пользовались сочинением Кристиана как своеобразным навесом над фиктивным расцветом культуры Чехии во времена Вацлава и Болеславов. Гораздо более обосновано мнение, что Кристиан и вся эпоха епископа Войтеха заложили основу подъема культуры при Бржетиславе и великолепного ее расцвета при Вратиславе.

Переходим к трудной проблеме связей Сазавы при князе Вратиславе с киевской письменностью рубежа XI—XII вв. Эти связи существовали и были взаимными. Вопрос состоит лишь в том, насколько они были интенсивными и глубокими. Положение славянских монахов Сазавы было нелегким. Они боролись за свое существование, с большим трудом противостоя враждебному давлению папского престола и латинского духовенства. Пережив первое изгнание, сазавские монахи не могли питать никаких иллюзий относительно собственных перспектив. Поэтому они с ослабленным вниманием следили за развитием славянского центра в Киеве и с благодарностью принимали и моральную поддержку, и культурную помощь, идущую оттуда.

Однако поток культурных ценностей явно шел и в обратном направлении — с Сазавы в Киев. Памятники чешского происхождения, абсолютное большинство которых сохранилось только в русских рукописях, в основном, по-видимому, пришли в Киев в сазавских списках. Когда, наконец, появятся объективные исследования связей Киевской Руси с Сазавским монастырем, можно будет покончить с нынешними крайностями, когда эти связи либо преувеличиваются, либо отрицаются. Пока же прослеживаются судьбы только одного из сазавских памятников — второго старославянского жития св. Вацлава («Никольского»). Этот текст без сомнения возник в Чехии, так как в нем очевидно широкое знание латинской агиографии. Несомненно также, что он попал в Киев до прекращения обмена с Сазавским монастырем, т. е. ранее 1097 г. Доказательством этого является наличие двух русских списков памятника. До сих пор полемичен